

После смерти Ду Цзиньюй в доме семьи Ду поселился призрак. Её тело не могли предать земле, оно так и лежало в боковом зале, и со временем, естественно, начало издавать запах.

Сейчас в доме Ду заправлял старший сын господина Ду, то есть старший дядя Ду Цзиньюй, Ду □□. Будучи человеком, не верящим ни в богов, ни в чертей, он рассудил, что раз уж нельзя похоронить этот проклятый труп, то почему бы просто не сжечь его дотла?

Однако в ту же ночь, как ему в голову пришла эта мысль, его свалил с ног кошмар, от которого он слёг в постель и больше не вставал. У господина Ду было много детей, но никто не решался взять на себя ответственность в такое время.

В итоге семидесятилетнему господину Ду ничего не оставалось, как самому заняться этим делом. Но первым делом он не стал искать даосских священников для изгнания призрака, а приказал людям присматривать за своим несостоявшимся зятем.

Шао Фэна насильно удерживали в доме Ду. Дни для него тянулись как годы, полные страха и ужаса. Несколько раз он пытался бежать, но люди господина Ду ловили его и возвращали. В поместье происходили всё более странные и жуткие вещи, но самым ужасным и неприемлемым для него было то, что семья Ду готовилась к свадьбе.

— В доме Ду тридцать человек, у старшего сына уже дети женятся, а у младшего ребёнок уже вовсю сам по поручениям бегает! — Шао Фэн выглядел измождённым и бледным, было очевидно, что он долгое время находился в состоянии крайнего испуга.

Он вцепился в руку господина Дуна, его голос срывался на плач:

— Какая ещё свадьба у семьи Ду? Никто ведь не женится! Какая свадьба?! Сегодня утром этот ублюдок, второй сын Ду, прислал мне свадебный наряд! Что это значит? Чего они хотят?! Ду Цзиньюй только что умерла, её призрак до сих пор преследует меня! Чего они хотят?!

Шао Фэн говорил всё более сбивчиво, его отчаяние росло. Он не мог связаться со своей семьёй, не говоря уже о том, чтобы покинуть дом Ду. Теперь юноша до синевы в кишках жалел о содеянном. Всё из-за того, что он польстился на красоту Ду Цзиньюй. Она была племянницей, живущей в доме из милости, без всякой поддержки. Он думал, что легко сможет заставить её выйти за себя и сделать наложницей.

Кто бы мог подумать, что вместо прекрасной наложницы он получит смертельную угрозу.

— Они хотят моей смерти! Хотят, чтобы я отправился на тот свет к этой стерве Ду Цзиньюй! — Шао Фэн мёртвой хваткой вцепился в руку Дун Циншаня. — Господин Дун, придумайте что-нибудь! В конце концов, мой отец и вы были знакомы, вы не можете оставить меня в беде!

На лице Дун Циншаня промелькнуло сострадание, но он был бессилен. Его собственная семья и сама едва держалась на плаву, куда уж им было вмешиваться в дела Ду.

— Молодой господин Шао, я не то чтобы не хочу вам помочь, но я и сам потерял дочь. Семье Дун сейчас не до других.

Шао Фэн замер, только сейчас вспомнив, что по пути сюда он видел, как окна и двери дома Дун были украшены радостными красными иероглифами «Двойное счастье». Он в шоке уставился на собеседника, его рука дрожала:

— Ты... ты тоже устраиваешь загробный брак?! Ты с ума сошёл?

Шао Фэн неверяще обернулся и, глядя на стоявших рядом гостей, закричал:

— А где Чу Сычи? Он наверняка ещё не знает об этом! Вы все с ума сошли?

Иту видел, что Шао Фэн явно не в себе, должно быть, Ду Цзиньюй изрядно его измучила.

— Молодой господин Чу добровольно согласился на загробный брак с Дун Хаоюэ, — ответил он.

Пленник всё ещё не мог принять этот факт. Голос господина Дуна тяжело прозвучал у него за спиной:

— Обе семьи не только проведут свадьбу, но и, как договаривались изначально, сделают это вместе.

Это было решено окончательно, и Шао Фэн ничего не мог изменить. Он ещё немного побушевал в доме Дун, но вскоре за ним пришёл второй сын семьи Ду, Ду Канмин. Он коротко поприветствовал господина Дуна, и они о чём-то поговорили в комнате. Когда Ду Канмин вышел, он посмотрел на стоявших рядом гостей и неожиданно любезно пригласил их провести ночь в доме Ду.

Скорее всего, господин Дун решил, что среди них есть способные экзорцисты, и намекнул об этом Ду Канмину. А игрокам как раз и нужен был повод, чтобы попасть в дом Ду, так что это оказалось как нельзя кстати.

Ду Канмин проводил их в поместье Ду. Семья Ду была многочисленнее семьи Дун, и обстановка там была сложнее. Войдя во двор, Иту обнаружил, что большое поместье было разделено на несколько независимых двориков поменьше, очевидно, для разных ветвей семьи.

— В доме много народу, в основном женщины и дети, так что вам придётся разместиться вместе в дальнем дворике, — сказал Ду Канмин, обернувшись к ним с извиняющейся улыбкой,

а затем вздохнул. — Завтра свадьба, очень переживаю, как бы сегодня ночью чего не случилось.

Услышав это, Иту задумался. Если Ду Цзиньюй не хотела выходить замуж за Шао Фэна, то она определённо была не в восторге от этого жениха. Смогут ли оба жениха присутствовать на завтрашней свадьбе — большой вопрос.

Ду Канмин проводил их в дальний двор, по пути вкратце рассказав, где проживают пять ветвей семьи. Уходя, он не стал давать каких-либо особых наставлений, лишь предупредил, что в последнее время в доме беспокойно и лучше ночью не выходить, чтобы не столкнуться с нечистой силой.

Сказав это, он ушёл. Вскоре слуги принесли чистое постельное бельё и подушки. Двор, хоть и выглядел заброшенным, но комнат в нём было достаточно — ровно пять, как раз по двое на комнату. Хоть они и были маленькими, это была последняя ночь на этом карточном поле, так что никто не жаловался.

Иту, как и прежде, делил комнату с Цзян Ханьюем. Расстелив постель, они решили пройтись. Остальные игроки, не сговариваясь, думали о том же.

Поскольку они были соперниками, идти вместе было невозможно. Разойдясь, Иту и Цзян Ханьюй первым делом направились во двор, где жила мать Ду Цзиньюй.

Мать Ду Цзиньюй, госпожа Ван, изначально была самой любимой младшей дочерью господина Ду. Но выйдя замуж за человека не своего круга, она разбила сердце отцу и была вынуждена порвать отношения с семьёй. Лишь когда Ду Цзиньюй было шесть лет и её отец скоропостижно скончался, осиротевшие мать и дочь, переступив через гордость, вернулись в дом Ду.

Но отношения с отцом и братьями уже были испорчены, и нетрудно представить, сколько унижений за спиной пришлось вынести госпоже Ван. Чтобы выжить, им не оставалось ничего, кроме как терпеть, и ради этого дочь даже сменила фамилию. Потому что в дом Ду не допускались потомки с чужой фамилией.

Жизнь матери и дочери была несладкой. Их часто унижали, и им оставалось только терпеть.

Двор госпожи Ван находился в уединённом уголке поместья, за ним располагались комнаты для слуг, что красноречиво говорило об их низком статусе.

По пути туда Иту случайно столкнулся с Хай Лином и его спутницей.

— Куда путь держите? — с улыбкой спросил Хай Лин, подойдя к ним.

Иту указал назад. Хай Лин понимающе кивнул.

— Место, где живет Шао Фэн, прямо впереди. Не хотите взглянуть? Там очень интересно.

Он только что вышел из той комнаты и, по всей видимости, что-то узнал. Но Хай Лин не стал вдаваться в подробности, лишь бросил взгляд на стоявшего рядом с Иту холодного мужчину и ушёл со своей спутницей.

— В комнате Шао Фэна призрак, — сказал Иту, посмотрев на Цзян Ханьюя. Иначе Хай Лин не стал бы так говорить.

— Пойдём посмотрим, — решил Цзян Ханьюй и направился вперёд.

Придя на место, они увидели там и усатого Тай Шу. Он, заметив их, лишь кивнул в знак приветствия, но разговора не начал.

Когда Иту увидел, что творится в комнате, он на мгновение опешил.

Множество кровавых отпечатков рук.

Четыре белые стены были сплошь покрыты маленькими кровавыми отпечатками, размером не больше ладони младенца. Больше всего их было у изголовья кровати Шао Фэна, словно ребёнок лежал там и молча смотрел на него.

— Ду Цзиньюй была беременна? — с недоверием спросил Иту.

Тай Шу не ответил, лишь вздохнул.

— Шао Фэн уже несколько комнат сменил, эта маленькая тварь преследует его. Он говорит, что скоро сойдёт с ума от мучений, он уже видел во сне свою смерть.

Иту долго молчал. Тай Шу вскоре ушёл — ему нужно было присматривать за беднягой, чтобы тот не умер до свадьбы.

— Шао Фэн не доживёт до утра, — внезапно произнёс Цзян Ханьюй.

Иту поднял голову и встретился с ним взглядом. Мужчина лишь слегка улыбнулся:

— Подшучивать над игроками — одно из любимых занятий карточного поля.

Хотя они оба понимали, что Шао Фэн обречён, каждый хотел испытать тот единственный шанс из тысячи. А вдруг его удастся спасти?

— А если не удастся? — спросил Иту.

Цзян Ханьюй молча смотрел на него мгновение.

— Искать другой выход.

Иту невольно нахмурился, но его плечо вдруг сжала широкая ладонь. Он вздрогнул, и стоило ему поднять голову, как мужчина тут же убрал руку. Взгляд Цзян Ханьюя был спокоен, а в голосе не слышалось никаких эмоций.

— Твоя аура слабеет.

Иту невольно прикрыл место, которого тот коснулся. Ледяное тело наконец-то ощутило неожиданное тепло.

— Уже так заметно? — с безысходностью произнёс Иту.

Цзян Ханьюй — не Хай Лин, но всё же смог почувствовать, как угасает его жизненная сила. И на самом деле, Иту ничего не мог с этим поделать, кроме как держаться из последних сил.

Они вышли из комнаты Шао Фэна и направились во двор госпожи Ван. По пути они заметили, что на каждом дверном косяке в доме висели амулеты для защиты от зла. Видимо, те, кто при жизни совершил дурные поступки, после смерти боятся стука призраков в дверь.

Двор госпожи Ван не был заперт, и на двери не было никаких амулетов. Это место было особенно запущенным и пустым. Когда они вошли, в доме было тихо, словно в нём никто не жил.

Иту постучал в дверь и позвал. Лишь тогда из дома вышла хозяйка. Она была одета в простое белое ципао, типичная красавица с лицом в форме семечка дыни. Ду Цзиньюй была точной копией своей матери.

Госпожа Ван только что плакала, её глаза всё ещё были влажными, а лицо — измученным. Увидев двух незнакомцев, она вытерла слёзы и с сомнением спросила:

— Вы кто такие? Что вам нужно?

— Вы мать Ду Цзиньюй? Мы друзья госпожи Дун.

Услышав слова «госпожа Дун», выражение лица женщины изменилось. Иту понял, что она определённо что-то знает.

— Они обе мертвы, чего вы ещё хотите? — стиснув бледные губы, с трудом произнесла она.

— Мы пришли, чтобы узнать некоторые подробности о госпоже Ду, — сказал Иту.

— Какие подробности? — спросила госпожа Ван, прижимая руку к груди.

— Почему госпожа Ду покончила с собой и что на самом деле произошло с её помолвкой с Шао Фэном, — прямо спросил он. — Если вы всё расскажете, возможно, сегодня ночью молодой господин Шао не умрёт.

При упоминании Шао Фэна женщина снова заплакала. Она всхлипывала:

— Бесполезно... Бесполезно... А Юй не простит Шао Фэна. Это всё я виновата, всё я!

Ду Цзиньюй не хотела выходить замуж за этого человека. Она испытывала к нему крайнюю неприязнь, но у неё не было выбора. Потому что её собственная мать подставила её, и она забеременела.

Положение матери и дочери в доме Ду было сравнимо с положением слуг. Ду Цзиньюй часто становилась объектом издевательств со стороны кузин и кузенов. Иногда, когда у тех было плохое настроение, они могли даже дать ей пощёчину по её всё более красивеющему лицу.

Госпожа Ван плакала у дверей господина Ду, но всё было тщетно. Тот не вмешивался в их дела, лишь говорил: «Цайинь, я и так уже сделал для вас с дочерью достаточно, дав вам кров».

Она почувствовала, будто её раскололи надвое. Именно тогда женщина по-настоящему поняла: если между отцом и дочерью возникла обида, это навсегда.

Не видя выхода, мать и дочь жили в нищете, едва сводя концы с концами. И госпожа Ван, глядя на свою всё более красивую дочь, всё сильнее желала освобождения, свободы. Если Ду Цзиньюй выйдет замуж за хорошего человека, они смогут в любой момент покинуть этот дом. А девушка была так красива, разве не найдётся богатый жених?

Раньше, до приезда Шао Фэна, госпожа Ван возлагала надежды на молодого господина Чу. Даже зная, что Чу Сычи и Дун Хаоюэ — пара, созданная на небесах, она не сдавалась. Её дочь ничем не хуже, ещё неизвестно, кому достанется главный приз.

Она мечтала, и события действительно развивались так, как она хотела. Дун Хаоюэ и Чу Сычи очень любили Ду Цзиньюй. Мать даже несколько раз заставляла Чу Сычи наедине со своей дочерью.

— Я думала, А Юй нравится Чу Сычи, но когда я увидела...

Губы госпожи Ван дрожали, слёзы снова хлынули из глаз.

Большую часть времени Ду Цзиньюй проводила с Дун Хаоюэ. Они могли часами сидеть в кабинете. Дун Хаоюэ учила её грамоте и рисованию, а Ду Цзиньюй гадала ей по костям и предсказывала судьбу. Они, взявшись за руки, могли часами говорить о всяких диковинках. Этому девушку научил её отец.

— Мой муж при жизни был странствующим даосом. Я не знаю, насколько он был силён, но он действительно неплохо этим зарабатывал. Истории, которые рассказывала А Юй, я никогда не слышала. Мой муж никогда не говорил со мной об этом, словно чего-то опасался.

Госпожа Ван горько усмехнулась.

— Но А Юй знала. Она не только знала, но и сама изучала все эти теории о призраках и богах своего отца. Поначалу я думала, что это просто детские забавы, обман...

Именно так её муж и заполучил её. Он каждый раз предсказывал, где она будет и кого встретит завтра. Для девушки из знатной семьи это было невероятно увлекательно. После нескольких таких уловок она забеременела. Незаконнорождённый ребёнок стал огромным позором для семьи. Её изгнали из дома, и так прошло несколько лет. Лишь после смерти мужа она была вынуждена вернуться.

— А Юй рассказывала Дун Хаоюэ всё, они были ближе, чем я, её собственная мать! — с ненавистью произнесла женщина.

Даже тогда она чувствовала, что что-то не так, но было уже поздно.

Однажды днём она пошла звать девушек на обед. Открыв дверь кабинета, она увидела Ду Цзиньюй, лежащую на коленях у Дун Хаоюэ, с лицом, полным счастья и удовлетворения.

Госпожа Ван застыла на месте. Она была женщиной, познавшей любовь, и прекрасно поняла, какого рода симпатию испытывала Ду Цзиньюй к Дун Хаоюэ.

Она не могла принять этот факт. Она долго убеждала себя, что это подозрительность, что она надумала лишнего. Пока дочь сама не призналась, что не любит Чу Сычи, что он ей противен, когда постоянно ходит за ними, и ещё больше ненавистен, когда остается наедине с Дун Хаоюэ.

— Она сказала, что любит Дун Хаоюэ, с такой вызывающей и торжествующей улыбкой...

Женщина схватилась за грудь. Этот торжествующий взгляд привёл её в ярость. Она впервые ударила Ду Цзиньюй. Неизвестно, ради себя или ради дочери.

Этот тяжёлый секрет она хранила в сердце, намереваясь унести его с собой в могилу. Ду Цзиньюй ещё молода, что она понимает? Какое будущее может быть у двух девушек? Что это за безобразие!

Госпожа Ван не стала никому рассказывать, но её отношение к дочери становилось всё холоднее. Мать и дочь дошли до того, что не могли находиться в одной комнате. Появление Шао Фэна дало ей новую надежду.

В это же время пришла новость о помолвке семьи Дун и семьи Чу. Госпожа Ван была в восторге, думая, что это поможет Ду Цзиньюй избавиться от своих недостойных мыслей. Но та, к её ужасу, не смирилась и несколько раз тайно убегала на свидания с Дун Хаоюэ.

Доведённая до отчаяния, госпожа Ван начала ограничивать свободу дочери. Она запретила ей ходить в дом Дун, а когда Дун Хаоюэ несколько раз приходила к ним, та встречала её с холодным лицом. Ду Цзиньюй, запертая в своей комнате с кляпом во рту, не могла позвать на помощь, а Дун Хаоюэ, не услышав её криков, уходила в унынии.

— Дун Хаоюэ до сих пор думает, что Ду Цзиньюй избегала её, потому что она отняла у неё Чу Сычи, — горько усмехнулась женщина. — Но правда до смешного абсурдна. Это я впустила Шао Фэна во двор. А Юй забеременела, это всё моя вина, — слёзы почти высохли. — Я ведь просто хотела для неё лучшего... Она же уже смирилась, сказала, что выйдет замуж в один день с Дун Хаоюэ, просила меня обязательно исполнить её просьбу... — пробормотала госпожа Ван. — Но почему, почему она покончила с собой?! Как она могла быть такой жестокой и так безжалостно бросить меня!

Женщина без сил опустилась на стул и закрыла глаза.

Иту, глядя на её бескровное лицо, тихо произнёс:

— Вы ошиблись.

— Что? — госпожа Ван открыла глаза.

— Свадьба, на которую согласилась Ду Цзиньюй, всегда была загробным браком, — спокойно сказал Иту, глядя ей в глаза. — Она ваша дочь, неужели вы её не знаете?

Госпожа Ван застыла. Да, какой была Ду Цзиньюй, разве могла она так легко изменить своим чувствам?

— Так это я ошиблась... я...

Она, плача, засмеялась. Оказывается, с того самого момента, как мать совершила ошибку, дочь уже не видела пути назад.

Она хотела, чтобы семья Ду устроила ей пышную свадьбу, в тот же день, что и у Дун Хаюэ.
Красный цвет радости, белый цвет траура.

Ты на этом свете, я — на том.

Первый поклон небу и земле.

<http://bllate.org/book/15886/1440069>